

Юрий Бялый. Управляемый хаос. Глобальный радикальный ислам в энергетических и транспортных войнах XXI века / Сборник статей «Радикальный ислам»: взгляд из Индии и России. – М.: МОФ-ЭТЦ, 2010, с. 87-130.

Юрий Бялый

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС

Глобальный радикальный ислам

в энергетических и транспортных войнах XXI века

1. Концепция управляемого хаоса

Концепция «управляемого хаоса», видимо, возникла в глубокой древности.

В частности, ее элементы можно увидеть в стратегии Римской империи эпохи завоеваний Галлии, Британии, Германии, Дакии. Известно, что римские полководцы целенаправленно создавали военно-политический и социально-экономический хаос в будущих провинциях Рима, срамливая между собой племена и их вождей, а также лишая противника витальных ресурсов продовольствия и воды. Похожие примеры можно обнаружить и в политике империй Чингизидов и Тимуридов в отношении владений русских князей, азиатских султанов, индийских махараджей. Еще более явным было использование концепции управляемого хаоса в эпоху колониальных империй Нового времени, а также в периоды последних Мировых войн.

Один из наиболее показательных примеров – история Ближнего Востока в Новейшее время. Нюансы территориального раздела Османской империи после Первой мировой войны – предопределили существование в регионе неотменяемой конфликтности. Такой конфликтности, которую нетрудно перевести – причем сравнительно слабыми «управляющими импульсами» – в полномасштабный хаос¹. Да и условия освобождения от колониализма Британской Индии – предопределили неизбежность ее хаотизации и распада, а также сохранения (и «потенциальной эскалации») конфликтности в регионе².

Однако если до недавних пор военно-политическое использование концепции управляемого хаоса было предметом полуинтуитивной практики, то в середине-конце XX века эта концепция получила теоретический базис – систему научных дисциплин, исследующих так называемую «самоорганизующуюся критичность» (синергетика, неравновесная

термодинамика, теория катастроф, теория фракталов и т.д.)³. И уже к исходу XX века теоретические построения в этой сфере («теория хаоса», «управляемая критичность» и так далее) – пришли в политику.

Одним из «пионеров» такого использования теории хаоса стал созданный в 1984 г. в США под эгидой Пентагона и Госдепа «Институт Санта Фе»⁴. В числе его основателей – автор теории кварков и нобелевский лауреат Мюррей Гелл-Манн. Штат сотрудников был набран из ученых, дипломатов, отставных военных и спецслужбистов, к работе привлекаются аналитики различных «think tanks».

Чтобы стало ясно, о чем думают в данном Институте, приведу цитату из доклада на конференции в Санта-Фе в 1996 г., прочитанного Стивеном Манном, одним из активных сторонников использования «управляемой критичности» в политике. С июля 2009 г. Стивен Манн – старший советник компании «ExxonMobil» по внешним межправительственным отношениям. Ранее был заместителем помощника госсекретаря США, специальным представителем Госдепа по евразийским конфликтам и по энергетической дипломатии в регионе Каспийского моря, американским сопредседателем Минской группы ОБСЕ, послом США в Туркмении и т.д. Стивен Манн заявляет⁵:

«...Долговременные задачи международного права, конечно, важны, но мы всегда должны принимать в расчет цену, которую нам придется платить уже в ближайшее время... Миротворчество... не должно превращаться в создание псевдостабильности... если мы хотим решить проблемы в развивающемся мире... Мы должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам... В действительности мы всегда предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, продвигаем рыночные реформы и развиваем средства массовой информации через частный сектор».

О чем здесь идет речь с точки зрения теории «управляемой критичности»?

О том, что многие типы существующего в природе порядка весьма неустойчивы и при сравнительно слабых воздействиях способны разрушаться («сваливаться в хаос»). Но и некоторые типы хаоса – при опять-таки минимальных воздействиях – могут самоорганизовываться в новый порядок. Это возможно, если в системе существуют своего рода «зародыши» хаоса и порядка, называемые аттракторами. Причем процессы перехода порядка в хаос и наоборот в таких системах – как правило, происходят очень быстро. Что определяют выражением «падение системы на аттрактор».

Важное свойство переходов «порядок-хаос» и обратно в таких системах – то, что аттракторов может быть несколько, и они могут быть разного типа.

Но отсюда следует вполне практический вывод: если хорошо понимать социально-политическую и экономическую систему, то можно, подвергая выявленные в ней «узлы критичности» воздействиям импульсами хаоса или порядка, создавать или целенаправленно усиливать аттракторы требуемого типа. И тем самым ввергать систему противника в хаос либо формировать из рукотворного хаоса новый порядок. Но при этом, разумеется, необходимо учитывать, что эффективно управлять переходом от порядка к хаосу (и от хаоса к новому порядку) можно лишь тогда, когда «аттрактивные воздействия» применяются к наиболее уязвимым (критичным) узлам, сферам, процессам в системе (рис. 1).

При этом нужно оговорить, что в любой развивающейся системе всегда существуют определенные внутренние противоречия (и внутрисистемный хаос), под влиянием которых и происходит развитие. Однако в концепции «управляемой критичности» речь идет о другом. О таких воздействиях на «критичность» системы, которые преследуют цели ее глубокой дезорганизации, вплоть до полного распада системной связности.

2. Основные «критичные» сферы, узлы, процессы современной мир-системы

Каковы же ключевые «сферы критичности» в современном мире?

Конечно, главная «сфера критичности», способная очень сильно влиять на хаотизацию или устойчивость порядка как отдельных стран, так и мировой системы, – это сфера военной безопасности. Но я хотел бы посвятить эту статью рассмотрению других сфер жизни, обладающих так называемой «критичностью». Ибо военной безопасностью «критичные» сферы жизни в современном мире явно не ограничиваются.

Многие крупные экономисты в контексте нынешнего мирового экономического кризиса пересматривают свои оценки возможностей стабильного развития глобальной экономики на основе процессов ее «рыночного» саморегулирования. И, с этих позиций, оценивают структуру и механизмы воспроизводства в современной рыночной экономике – как «генераторы критичности».

Так, например, Иммануил Валлерстайн, указывая на наличие в глобальной экономике нескольких кризисных тенденций, пишет: *«Сочетание всех трех элементов — масштабов «обычного» краха, реального роста затрат на производство и внешнего давления на систему, создаваемого ростом китайской (и вообще азиатской) экономики, — означает, что Шалтай-Болтай свалился со стены и собрать его уже никому не удастся... В настоящее время мы находимся на развилке системных процессов. Вопрос уже не в том, каким образом капиталистическая система сможет исцелить свои раны и возобновить наступление. Вопрос в том, что придет на смену этой системе, какой порядок вырастет из окружающего нас хаоса»*⁶.

В современной рыночной экономике одной из наиболее важных (и весьма «критичных» с точки зрения «управления хаосом») подсистем являются

финансы. Классический пример хаотизации экономики через «управляемую финансовую критичность» – валютные диверсии фашистской Германии против Англии во время Второй Мировой войны за счет заброса на Британские острова массы фальшивых банкнот⁷. Хорошо известно, какое влияние на финансовую устойчивость США оказала террористическая атака на башни-близнецы в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года⁸. Мы также понимаем, насколько болезненное влияние на экономику и финансовую систему Индии оказала террористическая атака на главный деловой центр страны – Мумбаи – осенью 2008 года.

Подчеркну, что, как представляется, глобализация мировых финансов, резкое усложнение системы производных финансовых инструментов и появление новых механизмов «сверхбыстрой» спекулятивной электронной торговли этими инструментами, – сделали мировую финансовую систему «сферой неустранимой критичности». Многие экономические аналитики уже называют это обстоятельство в числе главных причин нынешнего мирового экономического кризиса. Не случайно в декабре 2009 года лидеры стран Европейского Союза обратились в МВФ с предложением рассмотреть целесообразность и возможность введения так называемого «налога Тобина» на международные финансовые транзакции, призванного резко снизить «хаотизирующее» влияние на мировую экономику спекулятивных перетоков капиталов⁹.

Далее, глобализация торговли плюс определенная специализация стран и регионов в мировом разделении труда – резко повысили объемы мировых перевозок товаров. В результате появилось много стран с повышенной экономической зависимостью от стабильности этих перевозок, включая экспортно-импортные потоки.

Например, Южная Корея (внешнеторговый оборот превышает 50% ВВП) или, тем более, Тайвань (внешнеторговый оборот более 60% ВВП)¹⁰, при транспортном разрыве с окружающим миром просто рухнут экономически. Но в мире есть немало стран (например, в Центральной Африке), в которых от транспортных связей с внешним миром непосредственно зависит снабжение

населения продовольствием и медикаментами, то есть его физическое выживание.

Соответственно, устойчивость международных транспортных коммуникаций – одна из главных сфер «глобальной критичности».

Наконец, наша цивилизация – очень энергоемкая. К знаменитой формуле «деньги – кровь экономики» давно добавлено еще одно слагаемое, и она звучала так: «деньги и нефть – кровь экономики». Мы видим, что даже небольшие изменения поставок на мировые рынки первичных энергоносителей – нефти и газа – серьезно дестабилизируют мировую экономику и мировую финансовую систему.

Кроме того, нефть и газ распределены на планете крайне неравномерно. И потому в объемах их мирового потребления доля экспортно-импортных потоков достигает 70% для нефти и 40% для газа¹¹. Причем более половины разведанных мировых запасов первичных энергоносителей сосредоточено в регионе Персидского Залива.

То есть сферы добычи и транспортировки нефти и газа, а также крупнейшие мировые торговые артерии – важнейшие «зоны критичности» современного мира. И потому сначала среди специалистов¹², а затем и в журналистской среде в последние десятилетия оказались в широком употреблении понятия «энергетических войн» и «транспортных войн».

3. Исламский радикализм как субъект и инструмент «управляемой хаотизации»

В нынешнем мире исламский радикализм, видимо, является наиболее мощной, активной и глобальной антисистемной силой. И, с этой точки зрения (в особенности с учетом отчетливо видимого повышения «пассионарности» и идеологической активности гигантской мировой мусульманской уммы), – видимо, наиболее действенным потенциальным механизмом влияния на «критичность» мировой системы.

При этом, с одной стороны, исламский радикализм достаточно организован и вполне может иметь собственные глобальные амбиции. Включая

планы создания аттракторов хаоса и «другого порядка» в мировой системе или в ее отдельных подсистемах. В этом смысле достаточно показательны программная цель создания мирового Халифата и средства ее достижения у таких организаций, как «Братья-мусульмане»¹³, а также обнародованное в 2003 г. телеканалом «Аль-Джазира» заявление одного из главных идеологов «Аль-Каеды», Аймана аз-Завахири, «мы создадим им хаос»¹⁴.

С другой стороны, специалисты знают, что некоторые наиболее известные радикально-исламские движения, включая «Талибан» (и, видимо, «Аль-Каеда» и ряд других), создавались при активном участии спецслужб весьма влиятельных стран мира (США, Великобритании, Саудовской Аравии, Пакистана)¹⁵. Мы также осведомлены об исследованиях наших индийских коллег, доказывающих непосредственную связь исламского терроризма организаций типа «Лашкар-э-Тойба» в Индии с «управляющими импульсами» со стороны Межведомственной разведки Пакистана ISI.

Эксперты понимают, что подобные связи «спецслужбы – террористы» нередко весьма устойчивы. И в этом смысле исламский радикализм, включая его террористический аспект, может, с точки зрения «управляемой критичности», быть не субъектом, а инструментом определенных спецслужб, используемым для создания аттракторов «управляемого хаоса».

Вопрос о том, когда исламский радикализм является субъектом собственной игры, а когда становится инструментом в руках элит и спецслужб заинтересованных держав, – в целом за рамками предмета моего исследования. Хотя все же следует отметить, что некоторые американские аналитики – не только упомянутый выше Стивен Манн – откровенно признают, что одной из наиболее употребительных форм американской внешней политики является создание хаоса в сферах интересов актуальных или потенциальных глобальных конкурентов США.

Так, например, Джордж Фридман, основатель и директор одной из ведущих американских аналитических корпораций STRATFOR, в своей книге «Следующее столетие: прогноз на XXI век» пишет о реакции США после терактов 11 сентября 2001 года следующее: «*Систематически достигая своих*

стратегических целей, США видели свою конечную задачу в том, чтобы помешать появлению любого сильного государства в Евразии. Однако парадоксальность ситуации заключалась в следующем: как бы ни заверяли политики общественность в обратном, США всегда вмешивались не с целью чего-то достигнуть, а с целью помешать чему бы то ни было. США хотели помешать установлению стабильности в тех областях, где могла появиться другая сила. Их целью было не стабилизировать, а дестабилизировать. И это объясняет то, каким образом США отреагировали на «исламское землетрясение»¹⁶.

В данном исследовании я не буду подробно разбирать весьма обширную и сложную тему использования исламского радикализма как инструмента великих держав при создании «управляемой критичности». И остановлюсь лишь на некоторых конкретных примерах и потенциальных возможностях участия групп исламских радикалов в «управляемой хаотизации» в контексте идущих в мире энергетических и транспортных войн.

4. Исламский радикализм как актор хаотизации и «управления критичностью» в транспортных и энергетических войнах

4.1. Зона Персидского залива

По данным Международного Энергетического Агентства за 2005 год, зависимость некоторых стран от импорта нефти из зоны Залива составляла:

- для США – 17%;
- для стран ЕС – около 40%;
- для Китая – около 45%;
- для Индии – около 45%;
- для Японии – около 80%¹⁷.

Именно по этой причине каждое усиление «конфликтной критичности» в зоне Залива (а оно практически всегда связано с активностью радикальных исламистов) приводит к повышению цены нефти и является болезненным ударом по основным европейским и азиатским геополитическим и геоэкономическим конкурентам США. Так было в периоды обострения

конфликта между Израилем и его арабскими соседями, в периоды ирано-иракской войны и двух войн США и НАТО в Ираке, в ходе войны между Хизбаллой и Израилем в Ливане, а также в периоды усиления напряженности в регионе в связи с иранской ядерной программой и угрозой начала войны против Ирана.

Ясно, что создание в Заливе полномасштабного хаоса и прекращение экспорта нефти – вызовет катастрофические последствия для очень многих стран. И, прежде всего, для основных геоэкономических конкурентов США. Один американский эксперт в 2003 году сообщил мне следующую свою оценку: без нефти Залива темпы роста ВВП Китая снизятся с 9% до 3-4%. Предполагаю, что для Индии макроэкономические последствия в этом случае были бы не менее болезненны.

Также отмечу, что, как сообщают наши израильские коллеги, в 2001 году, сразу после атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке, на интернет-сайтах радикальных исламских организаций появились любопытные тексты. В них говорилось, что только полномасштабная война в Заливе, парализующая нефтедобычу и лишаящая правящие династии нефтяных денег, поможет свергнуть этих вероотступников, продавшихся американскому дьяволу, создать настоящие государства правоверных и приступить к восстановлению Халифата.

Также хорошо известно, что любое усиление шиитского Ирана (в том числе, его нынешнее усиление в результате попадания иракских шиитов под влияние Тегерана и Кума) с крайним раздражением и тревогой воспринимается суннитскими соседями Ирана по региону.

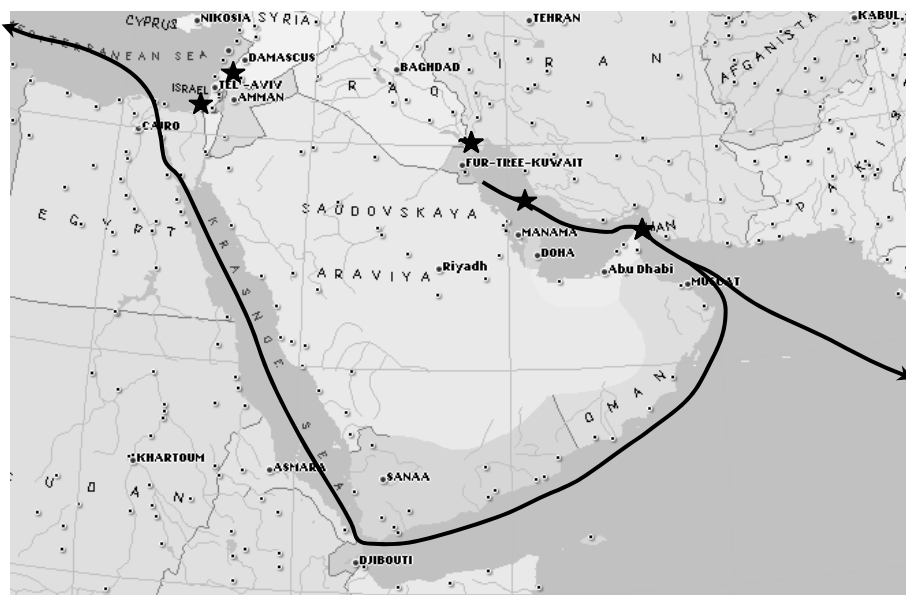
В любом случае, очевидно, что конфликтный потенциал «зоны критичности» в Заливе не снижается, а нарастает. Соответственно, мощный и долговременный «аттрактор хаоса» здесь налицо.

При этом, по нашим оценкам, по крайней мере в среднесрочной перспективе полное прекращение экспорта нефти из стран Залива – маловероятно. В этой нефти заинтересованы слишком мощные мировые силы, которые постараются полного хаоса (в том числе, крупной войны) здесь не допустить.

Но вот управление конъюнктурой мировых нефтяных цен через кратковременные хаотизации военно-политической ситуации в регионе Залива – все аналитики рынков признают непреложным фактом. В частности, по расчетам ряда экспертов ОПЕК и МЭА, уровень «надбавки за риск» в цене нефти в периоды региональных кризисов в Заливе (таких, как обострения ситуации вокруг иранской ядерной программы и угрозы атаки США и Израиля на иранские ядерные объекты в 2008-2009 годах) достигает 12-15 долларов за баррель.

Следующий весьма сильный инструмент «управляемой хаотизации», по своему влиянию и значимости для мира выходящий далеко за пределы данного региона, – создание проблем для импортеров нефти и газа из Залива на транспортных коммуникациях.

Основная часть нефти и газа Залива идет через Ормузский пролив и Оманский залив, и далее в Европу вокруг Аравийского полуострова, через Баб-эль-Мандебский пролив, Красное море, Суэцкий канал и Средиземное море, а в Азию – через Индийский океан (рис. 2, карта).

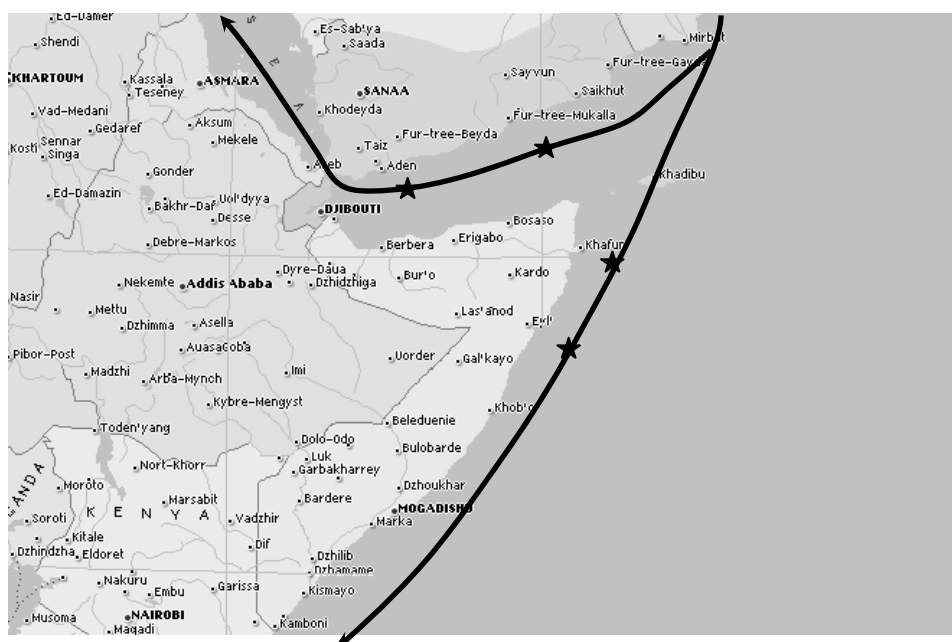
Хорошо известно, что Иран на неоднократные сообщения о готовящейся военной акции против его ядерных объектов – реагирует угрозами перекрыть судоходство в Ормузском проливе. В частности, Иран не раз заявлял о своей готовности, в случае начала военных действий, оперативно минировать как сам Ормузский пролив, так и выходы из него в Персидский и Оманский заливы.

Кроме того, еще в начале августа 2008 г. Иран провел испытания новой мощной противокорабельной ракеты дальностью до 300 км, и объявил, что при помощи этих ракет способен прочно и надолго перекрыть нефтяные и газовые поставки из Залива¹⁸.

И хотя многие аналитики и военные считают, что такие акции Тегерана будут пресечены силами ВМФ США, которые базируются в Бахрейне (5-й флот США) и в Индийском океане (остров Диего-Гарсиа)¹⁹, в случае успеха этих акций на разминирование пролива международными силами может уйти, по экспертным оценкам, от двух до четырех месяцев. А это не только истощит стратегические нефтяные резервы большинства стран-импортеров и резко повысит мировые цены на нефть (некоторые аналитики утверждают, что цены могут вырасти на 40-70 долл./барр.), но и создаст очень тяжелые экономические проблемы для всех стран-экспортеров нефти и сжиженного природного газа из Залива.

4.2. Исламский терроризм на стратегических морских коммуникациях

Однако иранские планы блокирования Ормузского пролива – это угроза потенциальная. А вот сомалийское пиратство в Аденском заливе и Индийском океане – уже несколько лет является угрозой все более реальной (рис. 3).

И это, подчеркну, угроза не только для нефтяных и газовых поставок на мировые рынки. По тем же маршрутам через Аденский залив, а также в Индийском океане вблизи восточного побережья Африки, идут и другие, помимо нефтегазовых, важнейшие торговые связи между Европой и Азией, включая Индию, Китай, Японию²⁰.

Сомали уже около 20 лет фактически является «несостоявшимся государством». После распада в 1991 году страна раздирается непрерывными войнами между крупнейшими племенными кланами и субкланами. Единственная относительно успешная попытка восстановить сомалийскую государственность произошла в 2005-2006 годах, когда религиозные лидеры одного из крупнейших кланов – хавийе – объявили органом власти исламские суды, управляющие обществом по законам шариата. А затем быстро прекратили, с использованием военных формирований судов, бандитский «беспредел» клановых ополчений, и фактически объединили все центральные и южные территории страны, за исключением отколовшихся самопровозглашенных Сомалиленда и Пунтленда на Севере. И создали единую политическую власть в виде Союза исламских судов²¹.

Подчеркну, что Союзом исламских судов руководили относительно умеренные исламские лидеры во главе с Шарифом Шейх Ахмедом. Эти лидеры, за некоторыми исключениями, отказывались от поддержки со стороны мировых халифатистских исламских организаций, включая «Аль-Каеду». Однако они попытались опереться на низовой сомалийский национализм и заявили, что намерены окончательно объединить страну, включая не только «отколовшийся» Север, но и часть территорий соседней Эфиопии, населенную сомалийцами²².

В результате Союз исламских судов был обвинен в попрании демократии, экспансионизме и связях с «Аль-Каедой». И в декабре 2006 г. эфиопская армия, при поддержке США, вторглась в Сомали. Легковооруженные отряды Союза судов, естественно, не смогли противостоять эфиопской бронетехнике и боевым вертолетам, и были разгромлены менее чем за две недели. Большинство руководителей Союза исламских судов бежало из страны (в основном, в

соседнюю мусульманскую Эритрею, а также в Йемен и Египет). А поскольку поставленное Эфиопией в Могадишо марионеточное правительство не имело никакого политического авторитета, страна очень быстро скатилась в прежний хаос клановой «войны без правил всех против всех»²³.

Но эфиопско-американская «демократизация» Сомали (напомню приведенную выше цитату из доклада С.Манна об использовании демократизации для создания «критичности») дала еще один важный результат. На фоне растущей массовой ненависти к христианским эфиопским захватчикам в мусульманской стране – резко повысились авторитет и влияние наиболее радикальных исламских лидеров вроде главы организации «Аль-Шабааб» шейха Адена Хаши Айро, которые уже были вполне готовы к прямому сотрудничеству с «Аль-Каедой». И такое сотрудничество между «Аль-Шабааб» и «Аль-Каедой» (как утверждают наши источники, прежде всего, через соседний Йемен и Египет) незамедлительно началось. И тут же буквально скачком возросли масштабы сомалийского морского пиратства²⁴.

Было бы наивно считать, что появление у пиратов современного вооружения и оснащения (пулеметы, гранатометы, быстроходные катера, спутниковые системы связи, локаторная аппаратура, навигационные устройства и т.д., причем в стране, которая давно находится под международными санкциями) – результат собственной активности этих пиратов. Есть многочисленные и трудно опровержимые данные, говорящие о том, что вся мировая «нелегальная торговля оружием» поделена и плотно контролируется спецслужбами различных стран... И ведь не из луков боевики «Аль-Шабааб» 19 октября 2009 года сбили над портом Кисмайо американский «беспилотник»...

Тем более наивно считать, что пираты сами «добывают» оперативную информацию о маршрутах, времени прохода, опознавательных знаках и кодах судов, заслуживающих захвата. Для этого необходима мощная и разветвленная – причем вовсе не пиратская! – агентура в судоходных компаниях, портах, мировых центрах международной торговли и т.д.

Правительства всех трех основных частей охваченного хаосом Сомали публично заявляют, что они неуклонно борются с морским пиратством, но не имеют достаточных сил для его искоренения. Однако для специалистов не секрет, что они получают долю прибыли с данного бизнеса. Но, главное, оснащают и вооружают пиратов, а также снабжают их разведывательной информацией о маршрутах и грузах кораблей, – радикальные международные исламские организации. По сообщениям наших источников, это, в том числе, организации, связанные с египетскими группами «Братьев-мусульман»²⁵.

Дело в том, что транзитные **сборы за проход** судов по Суэцкому каналу (более 20 тысяч судов в год, около 5,5 млрд. долл. тарифных сборов) – одна из основных статей доходов светского правительства Египта. Сокращение этих доходов в результате роста сомалийского пиратства и неизбежное ухудшение социально-экономической обстановки в стране – приводят, как следствие, к укреплению политических позиций исламистов.

Между тем, «Братья-мусульмане» в 2005 году уже добились крупных успехов на выборах в парламент Египта. Заметим, что произошло это после того, как госсекретарь США Кондолиза Райс заявила во время визита в Каир в июне 2005 года: *«Мы меняем курс... Мы поддерживаем демократические устремления всех народов. Настало время отбросить все оправдания, сдерживающие тяжелую работу демократии»*²⁶.

Как тут не вспомнить в очередной раз вышеприведенную фразу С.Манна о демократизации как инструменте «усиления и эксплуатации критичности»... И как не предположить, что одной из целей спонсирования сомалийского пиратства «Братьями-мусульманами» является именно их расчет на создание социально-экономического хаоса в стране и на приход к власти в Египте, причем вполне демократическим, выборным, путем.

В октябре 2008 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию, разрешающую иностранным судам входить в сомалийские территориальные воды для борьбы с пиратами, после чего там появились корабли НАТО. Евросоюз 10 ноября 2008 года принял решение о проведении совместной антипиратской операции силами ВМС Великобритании, Франции, Германии и

Испании. Свои корабли к берегам Сомали направили Индия, Малайзия, а также Россия и КНР. Весной 2009 года корабли НАТО начали в Аденском заливе и в море вблизи него антипиратскую операцию «Союзный защитник». В августе 2009 года эту операцию сменила другая операция НАТО по борьбе с пиратством вблизи Африканского рога – «Океанский щит».

Но направление боевых кораблей в зону сомалийского пиратства (которая уже растянулась более чем на 1000 километров вдоль экватора и западного побережья Африки) проблему не решает. По данным лондонского Международного бюро по борьбе с преступлениями на море, с момента, когда локалор судна или вахтенный матрос обнаруживает скоростной пиратский катер, до полного захвата судна проходит в среднем 15 минут. Никакой патрульный корабль или даже вертолет за такое время оказать помощь не может. А после захвата судна военным атаковать уже нельзя – в опасности жизнь пассажиров и экипажа.

Как отреагировали на пиратство вблизи Сомали многие корпорации, использующие морские перевозки? Они пустили свои суда, включая нефтяные танкеры, метановозы, сухогрузы и контейнеровозы, в обход Африки, мимо мыса Доброй Надежды (рис 4).

Однако тут же отреагировали и пираты.

Во-первых, зона операций пиратских исламских «бригад» у Восточного побережья Африки начала расширяться в открытое море и на юг²⁷.

Во-вторых, активизировалось аналогичное нигерийское морское пиратство у Западного побережья Африки, в зоне Гвинейского залива. Причем именно в последние годы к пиратскому бандитизму местных племен иджо и игбо из «Движения за освобождение дельты реки Нигер», нападающих на нефтяные платформы западных стран и требующих у центрального правительства долю доходов от добываемой нефти, добавился гораздо более свирепый (включая пытки и убийства заложников) и широкий по охвату моря исламский пиратский бандитизм²⁸.

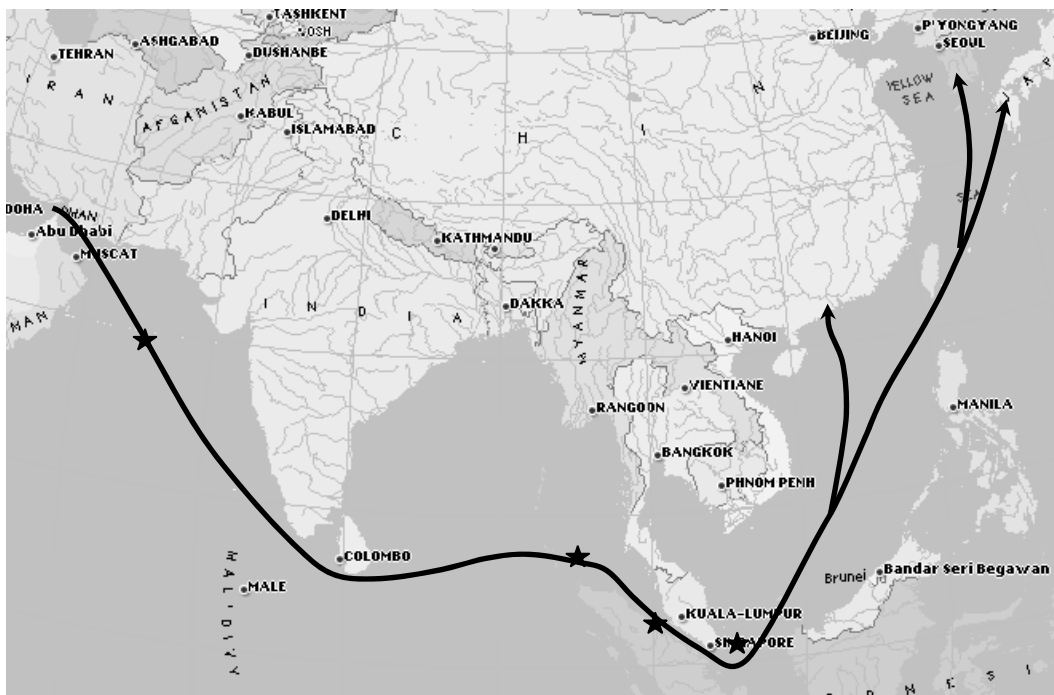
Так что, несмотря на нарастающие усилия мирового сообщества (дежурство боевых кораблей ведущих стран на судоходных маршрутах, военное сопровождение караванов, взятие на борт торговых судов вооруженной охраны), – борьба с пиратством серьезных успехов не приносит. Не приносит потому, что на трассах такой протяженности обезопасить судоходство от пиратов, которые «везде», – практически невозможно даже при современном уровне разведывательной и военной техники.

В древности и в Средние века в Средиземном море был придуман единственный способ борьбы с этой напастью «хаоса на торговых путях» – полное военное уничтожение «пиратских колоний-государств» на побережье. По такому пути давно предлагают пойти некоторые международные аналитики и даже политики. Однако подавляющее большинство стран мира подобные идеи не поддерживает. В том числе, потому, что для военных методов борьбы с морским пиратством не существует каких-либо оснований в виде международных правовых актов. Именно по этим причинам до сих пор не стало предметом серьезного обсуждения высказанное министром обороны Испании осенью 2009 г. предложение организовать блокаду сомалийских портов, в которых базируются пираты²⁹.

Пока же, по данным «Ллойдс» на конец 2008 года, в результате использования «длинного» маршрута вокруг Африки и повышения стоимости фрахта судов, а также «рисковой» страховки, – средняя цена доставки грузов,

идущих через регион Африканского рога и недалеко от восточного побережья Африки, увеличилась на 15-30%³⁰.

Но аналогичные проблемы с пиратством существуют и на «восточном фланге» судоходных маршрутов между Заливом и странами Азии, а также между Европой и Азией (рис 5).

Еще в 80-х годах XX века Малаккский пролив между Суматрой и Малаккским полуостровом стал одной из наиболее «пиратоопасных» зон мирового судоходства. Тогда основную пиратскую активность в этом регионе проявляли вооруженные группы, связанные с китайской мафией «триад».

Однако в последние годы в Малаккском проливе, а также в Андаманском и Аравийском море уже отмечены случаи пиратских нападений на суда со стороны исламских радикальных террористических групп. Пока эти явления по масштабам далеки от сомалийского или нигерийского морского пиратства. Но по мере углубления мирового кризиса, обострения социально-политической обстановки и радикализации ислама в Индонезии, Малайзии, Филиппинах, а также (вероятно – прежде всего) в Пакистане, – пиратская ситуация в Индийском Океане и Юго-Восточной Азии вполне может резко обостриться.

Обобщая сказанное, можно уверенно утверждать, что пиратство радикальных исламских террористических групп на важнейших морских

торговых коммуникациях – уже достаточно серьезный аттрактор мирового хаоса. Который не только глубоко дестабилизирует мировую торговлю, но и ставит под сомнение западный мировой проект глобализации.

4.3. Исламский радикализм как актор геоэкономической войны за нефтегазовые ресурсы

В мире опубликовано немало фундаментальных исследований (например, монографии Дэниела Ергина и Эрика Лорана)³¹, показывающих, что с момента превращения нефти (а затем во все более широких масштабах и газа) в «кровь» мировой экономики – за эти ресурсы идет нарастающее мировое соперничество. Острота проблемы и связанная с ней глобальная конфликтность породили своего рода «футурологический алармизм», наполненный прогнозами близкого исчерпания мировых нефтегазовых ресурсов³².

Серьезные аналитические оценки показывают, что такого рода алармизм страдает существенными (сознательными или же неосознанными) преувеличениями. Тем не менее, нужно признать, что, во-первых, нефтегазовые ресурсы на стратегическую перспективу являются необходимым фундаментом развития энергетики, транспорта и химической промышленности большинства стран мира. И, во-вторых, признать, что в мире осталось очень немного регионов и провинций, в которых эти ресурсы еще не взяты под контроль – прямой (концессии и лицензии нефтегазовых корпораций) или косвенный (политическое и экономическое влияние) – ведущими мировыми державами.

Один из важных регионов мира, еще не вполне «распределенных» между крупнейшими державами с точки зрения нефтегазовых ресурсов, – Северная и Центральная Африка. Именно здесь, в нефтеносном районе, расположенном в Судане и Чаде, в последние годы «нефтяная конкуренция» великих держав с использованием «радикального исламского ресурса» проявляется наиболее ярко. Для наших индийских коллег этот регион не может не представлять интерес хотя бы потому, что в нем давно работает индийская нефтяная госкомпания ONGC.

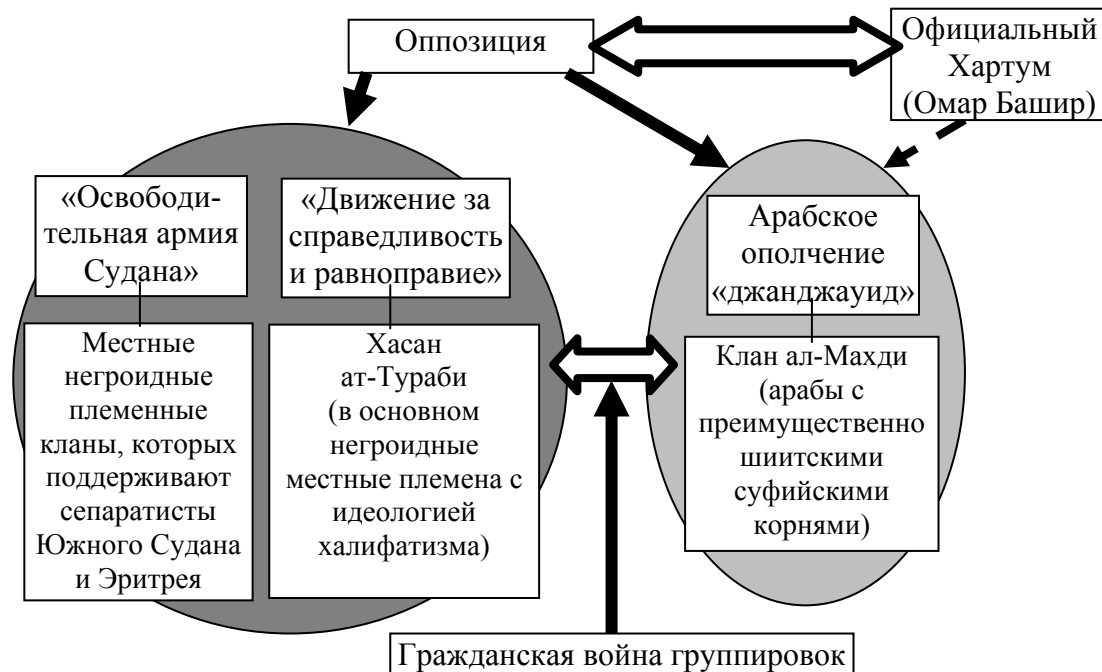
После того, как в 70-х годах XX века в Судане была найдена нефть, резко повысился интерес к региону со стороны США. Рубежом в этом интересе стал 1983 год, когда правительством Д.Нимейри в стране было введено исламское (шариатское) законодательство. Именно с этого момента в Южном Судане, с его преимущественно христианским населением, активизируется сепаратистское военно-политическое движение «Суданская народно-освободительная армия» (SPLA) во главе с выпускником Центра обучения рейнджеров в Форт Беннинге, США, Джоном Гарангом.

Финансирование и вооружение SPLA, по данным ряда публикаций в западной прессе³³, велось с территорий соседних Чада и Эритреи при поддержке вошедших в регион американских нефтяных компаний «Оксидентал Петролеум» и «Халлибертон». Причем нередко в боевых действиях на стороне южносуданских сепаратистов непосредственно участвовали частные южноафриканские, британские, американские «охранные» компании «Икзекьютив Ауткамз», «Дефенс Системс», «Эйр Скан Интернешнл» и др.³⁴.

И в это же время в Судане набирает силу региональное отделение «Братьев-мусульман» во главе с шейхом Хасаном ат-Тураби. Причем ат-Тураби вскоре оказывается не только фактическим «негласным правителем» Судана, но и организатором – при непосредственной поддержке разведслужб США – широкой сети лагерей подготовки моджахедов для войны с СССР в Афганистане.

В 1989 г. в Судане произошел военный переворот, в результате которого к власти пришел «Совет командования революции» во главе с генералом Омаром аль-Баширом. Башир в поисках базы массовой политической поддержки был вынужден обратиться к двум основным религиозно-политическим объединениям страны – партии «Аль-Умма», созданной крупнейшим религиозным кланом Аль-Махди, и тем же «Братьям-мусульманам».

Однако острота конфликта в Южном Судане вынудила правительство Омара аль-Башира постепенно смягчать исламское законодательство и идти на перемирия и переговоры с SPLA (что вызвало конфликт Башира с «Братьями-

Важно подчеркнуть, что речь идет именно о гражданской войне. Осведомленные российские и зарубежные эксперты (включая автора книги «Век войн: англо-американская нефтяная политика и новый мировой порядок» Уильяма Энгдала³⁶) подчеркивают, что все перечисленные «борющиеся силы» имеют отчетливую радикально-исламскую ориентацию и не контролируются Хартумом.

Так, на «джанджауидов» наиболее существенное влияние оказывает исламский орден «Ансар», ключевыми сегодняшними фигурами которого являются свергнутый Омаром Баширом в 1989 году бывший премьер Садик ал-Махди и его сын Абдуррахман. То, что именно клан ал-Махди еще в конце 80-х годов начал вооружать «джанджауидов», признает даже международная правозащитная организация «Эмнести Интернешнл», обвиняющая в «дарфурском геноциде» Хартум³⁷.

В контексте нашего анализа нельзя не упомянуть о том, что клан ал-Махди, этнически в основном арабский, в своем ядре имеет отчетливый шиитский и преимущественно суфийский генезис. И что именно Судан, как крупнейший «осколок» древней шиитской империи Фатимидов, впоследствии завоеванный суннитами, уже очень давно является «зоной диалога» суннитского и шиитского ислама. Включая его наиболее радикальные группы.

«Освободительная армия Судана» (ранее носившая название «Фронт освобождения Дарфура») представлена в основном местными негроидными

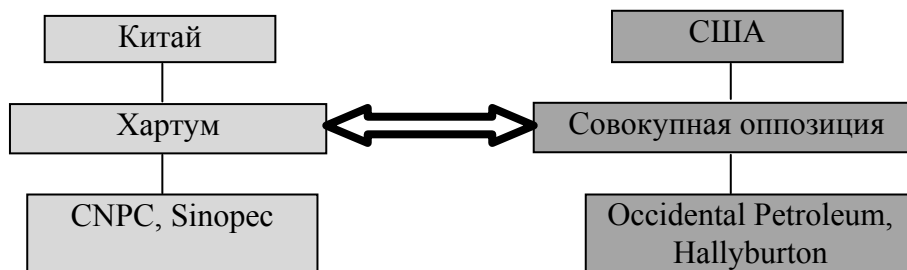
племенными группами. И, по тем же экспертным утверждениям, прочно связана с правительственными и разведывательными структурами Эритреи, а также с последователями Джона Гаранга из Южного Судана и их нефтяными спонсорами из США.

Наконец, «Движение за справедливость и равноправие» (расово также в основном негроидное) получает спонсорскую помощь и «идеологическую подпитку» от структур «Народного конгресса» бывшего спикера парламента (и недавнего фактического теневого «хозяина» страны) Хасана ат-Тураби, отстраненного от власти нынешним президентом Судана Баширом в 2000 году. А также – из соседнего Чада.

Здесь стоит особо подчеркнуть, что ат-Тураби учился в Оксфорде, а затем в Сорбонне, много лет возглавлял региональное отделение «Братьев-мусульман», активно сотрудничал с Бен Ладеном и чеченскими сепаратистами. И что именно во времена его всевластия в Судане благополучно вели работу американские нефтяные компании «Халлибертон» и «Оксидентал петролеум». А также то, что именно в ту эпоху в Судане, в том числе в Дарфуре, располагались базы и тренировочные лагеря Бен Ладена. Который в те времена еще был безусловным антисоветским и затем антироссийским инструментом США.

Наличие в стране нескольких мощных радикально-исламских оппозиционных групп позволяло аналитикам еще в начале 2000-х годов делать прогнозы о неизбежном скором свержении относительно «умеренного» исламского режима Омара Башира. И о возможности возвращения Судана к привычной роли ключевого поставщика на «мировой рынок» прекрасного обученных моджахедов.

Однако именно на этом временном рубеже в страну начал активно входить Китай. И очень быстро оказался ключевой экономической опорой суданской власти. Прежде всего, за счет суданской нефтяной отрасли, в которой он заменил американские компании (рис. 8).

В суданский «Нефтяной консорциум Большого Нила» входят государственные нефтяные компании из Китая, Индии и Малайзии. Но с каждым годом китайская CNPC играет в нем все большую роль. Фактически на ее деньги был построен магистральный нефтепровод с месторождения «Хиглиг» на юге Судана к Порт-Саиду на побережье Красного моря, а также ряд нефтеперерабатывающих заводов. А позднее к CNPC присоединилась китайская госкомпания Sinopec, которая берет в разработку новые нефтяные участки. В результате Китай уже импортирует более 70% суданской нефти.

На китайские инвестиции в стране быстро разворачивается крупное промышленное и инфраструктурное строительство, а также гуманитарные программы (включая строительство больниц и школ). Китай списывает Хартуму долги и предоставляет ему не только льготные кредиты, но и крупные безвозмездные гранты. На 2008 год торговый оборот между Китаем и Суданом превысил 4 млрд. долл. – гигантская сумма для этой африканской страны. Кроме того, как сообщают источники, в последние годы правительство Судана получает от Пекина солидные объемы вооружений.

Весной 2006 года Китай сообщил о начале освоения нового крупного месторождения в Дарфуре, способного давать до 25 млн. тонн в год нефти. Вскоре, летом 2006 года, президент США Буш принял в Белом доме преемника Джона Гаранга, нынешнего лидера SPLA Минни Миннави. После чего в середине августа 2006 года американское частное охранное агентство «DynCorp International» объявило, что с начала 2007 года займется подготовкой повстанцев в Южном Судане и Дарфуре, и что Госдеп США выделил агентству на эти цели 40 млн. долл³⁸. А 9 января 2007 года вице-президент Южного Судана Салва Мадрид заявил, что не позднее, чем через 4 года, произойдет отделение от страны южных провинций³⁹.

Знаменательно, что конфликт в Дарфуре, унесший за прошедшие годы более 200 тысяч жизней и приведший к появлению более миллиона беженцев, в мировой прессе давно и привычно именуется *«геноцидом местного населения правительственными войсками»*. Именно на этом основании Международный уголовный суд в марте 2009 года вынес решение о выдаче ордера на арест аль-Башира⁴⁰. Но наши источники указывают, что правительственные войска в войне с дарфурскими повстанцами почти не участвуют. Причина в том, что при существующем в регионе расово-этническом и кланово-религиозном «котле» правительство опасается, что привлечение туда армии быстро разложит и «разберет» по конфликтующим группировкам воинские подразделения.

И потому, как сообщают эксперты, наблюдающие ситуацию «вблизи», правительство Омара Башира лишь поддерживает оружием «джанджауидов» и иногда бомбит позиции «повстанцев». Преследуя при этом главную цель: не допустить реализации давней идеи США об «объединительном мирном конгрессе», после которого повстанцы могут выступить единым фронтом против центральной власти. Боится этого Хартум по той причине, что наиболее вероятным лидером такого «единого фронта» оказывается Хасан ат-Тураби.

Причина в том, что война между «джанджауид» и ЖЕМ, не исключено, является «игрой в две руки», нацеленной на «создание хаоса». Поскольку Ат-Тураби – покровитель противников «джанджауид» из движения ЖЕМ – женат на Висаль ал-Махди, сестре Садика ал-Махди. Кроме того, неоднократно появлялись сообщения о том, что ал-Махди и ат-Тураби (оба – выпускники Оксфорда) постоянно координируют деятельность своих оппозиционных движений⁴¹.

Как уже сказано выше, ат-Тураби (наиболее радикальная исламистская фигура на суданском политическом поле, прочно интегрированная в «Братьев-мусульман») в прошлом был вполне «союзоспособен» с Бен Ладеном и с его американскими и британскими спонсорами. Причем эта союзоспособность никуда не исчезла.

Так, нельзя не отметить «календарного» совпадения ухода из Судана «Халлибертон» и «Оксидентал Петролеум» – с моментом отстранения от

власти ат-Тураби. Далее, известно, что в 2004 году ат-Тураби провел переговоры с британским представителем по урегулированию в Судане Аленом Фоли. Но темой переговоров была вовсе не ситуация в Дарфуре, а согласие ат-Тураби выступить посредником в американо-британском диалоге с группами «Аль-Каеды» и «Талибан» в Ираке и Афганистане! Идея не была реализована лишь потому, что вскоре Омар Башир приказал арестовать ат-Тураби.

А с 2005 года, как сообщают источники, главный поток вооружений для «дарфурских повстанцев» идет из соседнего Чада при посредстве работающих там «охранных компаний», обеспечивающих нефтедобычу американских компаний Exxon Mobil и Chevron. И попадает основная часть этого оружия именно к боевикам, курируемым ат-Тураби.

Между тем Китай, создав опору в Судане, на этом не остановился и предложил «нефтяное сотрудничество» главе Чада Идрису Деби. В апреле 2007 года МИД Чада объявил, что переговоры о расширении участия Китая в нефтяных проектах в стране были успешными, и что *«Китай предлагает гораздо более равноправное партнерство, чем мы обычно имеем»*⁴². А к сентябрю 2007 г. китайская PetroChina разведала в Чаде новое нефтяное месторождение с запасами более 100 млн. тонн и подписала с правительством Деби соглашение о создании, вместе с крупнейшей китайской нефтегазовой корпорацией, CNPC, совместного предприятия.

Это изменение политики правительства Деби не могло не обеспокоить американцев, с конца 1990-х годов разрабатывающих нефтяное месторождение Доба на юго-востоке Чада (с 2003 года нефть с этого месторождения поставляется на мировой рынок по нефтепроводу до побережья Камеруна, которым управляют те же Exxon Mobil и Chevron). И в начале февраля 2008 г. в Чаде произошла попытка государственного переворота. В первых числах февраля отряды вооруженных повстанцев (в основном из племени загава, к которому принадлежит и сам Деби) численностью более 2 тыс. человек выдвинулись из суданского Дарфура, за несколько дней пересекли весь Чад и вошли в Нджамену, где осадили президентский дворец. И, объединившись с

местными лидерами оппозиции, потребовали, чтобы президент Деби немедленно начал переговоры о смене режима или оставил свой пост⁴³.

К середине февраля 2008 г., получив поддержку со стороны Франции (которая держит в Чаде свой военный контингент), Деби урегулировал ситуацию и заявил, что полностью контролирует страну. Но в начале 2009 года восемь повстанческих группировок Чада провели новую встречу в Дарфуре и приняли решение объединиться в коалицию «Союз сил сопротивления» для свержения президента Деби⁴⁴.

Однако Южный Судан и Дарфур уже в 2008 г. дополнились в Судане еще одной потенциальной «горячей точкой». В середине октября 2008 г. прошла встреча зам госсекретаря США по Африке Джендаи Фрезер с представителями «вдруг» возникшей восточносуданской оппозиции из племени хауса, на которой Фрезер заявила, что США поддерживают создание автономии в Восточном Судане. А через несколько дней в этом же регионе произошло вооруженное выступление хауса, в ходе подавления которого были убиты 15 восставших и 2 полицейских⁴⁵. В качестве уточнения к данному сюжету следует отметить, что в зоне племен хауса находится единственный экспортный морской терминал Судана – Порт-Судан, и здесь же проходят основные (сейчас – китайские) экспортные нефтепроводы.

Таким образом, мы видим, что и Китай, и США инструментально используют в регионе друг против друга «фактор ислама» для создания «управляемого хаоса». Но в Судане и вокруг него Пекин объективно оказывает поддержку относительно мягкому полусветскому исламу Омара Башира, а Вашингтон – халифатистскому исламу Хасана ат-Тураби.

«Цена вопроса» для соперничающих в регионе США и Китая весьма высока. Последние открытия нефтяных месторождений в регионе довели оценки запасов нефти в Чаде до примерно 500 млн. т., а в Судане – до приблизительно 2 млрд. тонн. Причем эксперты указывают, что большинство территорий этих стран еще практически не подвергалось разведке на нефть и газ. Так что можно с большой вероятностью предполагать, что «войны» за нефтегазовые ресурсы в регионе с использованием для создания «управляемой

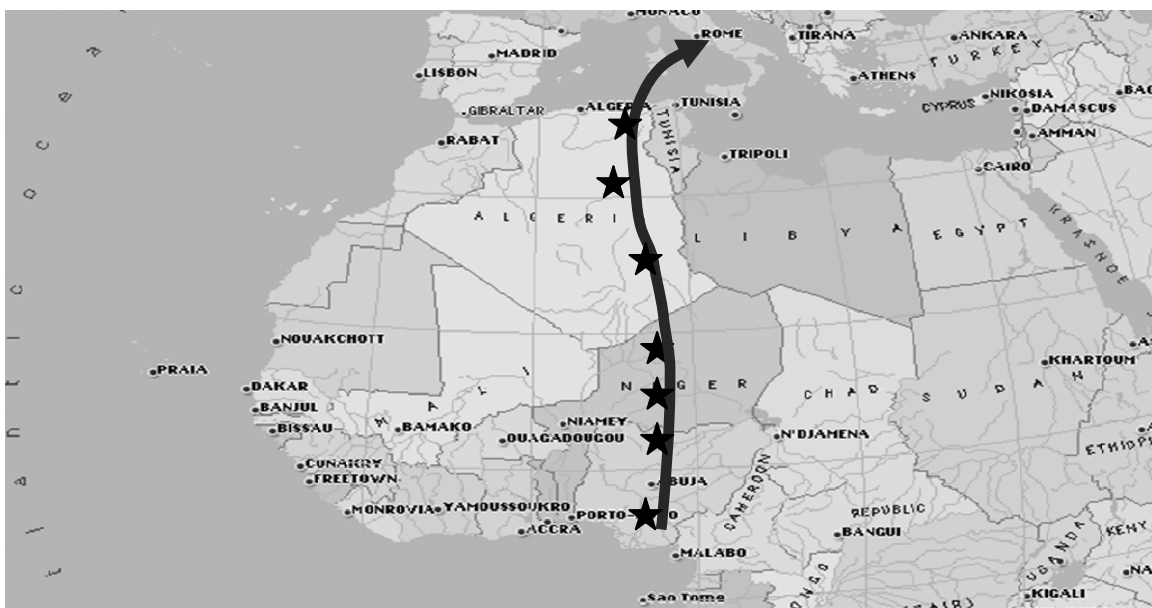
критичности» радикальных исламских групп, а также военно-сепаратистского противостояния между мусульманами и христианами, – получают дальнейшее террористическое продолжение.

4.4. Исламский терроризм как актор разрыва сухопутных энерготранзитных коммуникаций

В мировых СМИ подробно обсуждены множественные диверсии радикальных исламских групп на нефтепроводах в Ираке, регулярно блокирующие прокачку иракской нефти в направлениях морских терминалов в Сирии и турецком Джейхане. Ни эти диверсии, ни многочисленные диверсии исламистов на нефтепроводах и газопроводах в России (прежде всего, на Северном Кавказе) я обсуждать не буду. Хочу сконцентрировать внимание читателя на том, что обсуждается реже.

Во-первых, на проблемах, возникающих в связи с еще одним стратегическим африканским проектом – проектом Транссахарского газопровода из Нигерии к Средиземному морю. И, во-вторых, на проблемах влияния угроз терроризма исламских радикалов на судьбу крупнейших энерготранспортных проектов в Центральной Азии.

3 июля 2009 г., после нескольких лет обсуждения проекта, было подписано названное «историческим» соглашение между Нигерией, Нигером и Алжиром о строительстве Транссахарского газопровода к Средиземному морю⁴⁶ (рис. 9).

Газопровод длиной около 4300 км., по которому предполагается прокачивать в Европу 30 млрд. куб. м. газа в год, обойдется примерно в \$10-12 млрд., еще \$3-4 млрд. нужно инвестировать в создание крупных газохранилищ.

Длительность обсуждения этого проекта оказалась связана не только с высокой стоимостью и большими техническими проблемами. Несмотря на то, что высшие чиновники ЕС подчеркивают огромное значение этого газопровода для энергоснабжения Европы и его диверсификации (в частности, для избавления стран Евросоюза от чрезмерной зависимости от поставок газа из России), инвестировать в данный проект пока желающих не находится.

Главная причина – очень высокие политические риски. Я уже указал выше на серьезные угрозы исламского терроризма в регионе дельты реки Нигер, откуда должен брать начало газопровод. Однако на его предполагаемой трассе данная «зона рисков» – не единственная.

Уже в конце июля, менее чем через месяц после подписания упомянутого соглашения о Транссахарском газопроводе, в северных штатах Нигерии (именно через них должен проходить газопровод) вспыхнуло восстание местных исламистов, называющих себя «нигерийскими талибами»⁴⁷. Боевики радикальной группировки шейха Мохаммеда Юсуфа «Боко Карам» (в переводе – «образование запрещено») под лозунгами установления в Нигерии законов шариата громили полицейские участки и церкви, убивали сотрудников полиции и местных органов власти, а также случайных прохожих. К концу июля, когда бунты были в основном подавлены армией, число жертв погромов только в штатах Борно и Кано превысило 150 человек.

А далее к северу по трассе будущего газопровода располагается полностью исламский и очень бедный (несмотря на крупнейшие месторождения урана и перспективы месторождений нефти севернее озера Чад) Нигер. Где основное население составляют племенные группы хауса – те самые, которые, как сказано выше, после «отмашки» США устроили сепаратистский бунт на востоке Судана. Да и местные туареги, отчасти пересевшие с верблюдов на джипы, вполне сохранили свою воинственность.

Исламский терроризм здесь также налицо. Так, в октябре 2009 г. помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Джеффри Фельтман заявил, что США обеспокоены проблемой терроризма в странах Сахеля (Сенегал, Мавритания, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерия, Чад, Судан и Эритрея). И подчеркнул, что *«США не намерены подменять эти страны в борьбе с терроризмом в регионе, хотя и готовы оказать им помощь»*⁴⁸. В связи с терроризмом в Сахеле в прессе также неоднократно упоминалась созданная в 2007 г. организация под названием «Аль-Каеда в странах Магриба» (АКМ, другое название – «Салафистская группа проповеди и джихада»), которая в 2007-2009 гг. неоднократно брала на себя ответственность за теракты в Алжире, Нигере, Судане и Сомали.

Алжир с точки зрения террористических рисков для Транссахарского газопровода – также страна очень проблемная. Помимо вышеназванной АКМ, в Алжире действуют и другие (преимущественно региональные) радикальные исламские террористические группы. Сообщения о терактах исламских боевиков приходят из Алжира буквально ежемесячно, причем многие из них направлены не только против военных, жандармерии и учреждений власти страны, но и против иностранных производственных компаний и объектов нефтегазовой инфраструктуры.

В начале августа 2008 г. глава Германо-Алжирской торгово-промышленной палаты Андреас Хергенретер в связи с очередными крупными терактами исламских радикалов в Алжире заявил: *«Алжир является третьим по величине в мире производителем сжиженного газа и важным для нас партнером в деле диверсификации энергообеспечения»*. Далее он отметил, что по двум существующим сейчас газопроводам Алжир экспортирует природный газ в Андалузию и на Сицилию, являясь для Евросоюза третьим по значимости его поставщиком после России и Норвегии, и что еще два трубопровода — из Алжира в испанскую провинцию Альмерия и на Сардинию — должны вступить в строй не позднее 2010 года⁴⁹. И сразу после этого заявления Хергенретера агентство Fitch Ratings предупредило, что международным нефтегазовым

компаниям, видимо, придется пойти на дополнительные расходы для обеспечения безопасности своих объектов в Алжире.

Так что налицо именно «исламско-террористические» причины того, что даже вопрос проектного финансирования **Транссахарского** газопровода к началу 2010 года так и не был решен.

В Центральной Азии влияние исламского терроризма на судьбу крупнейших нефтепроводные и газопроводные проекты известно очень хорошо (рис. 10).

Еще в начале 90-х годов XX века, после вывода советских войск из Афганистана, активно обсуждался международный проект (его представили американская Unocal и саудовская Delta Oil) газопровода из Туркмении через Афганистан и Пакистан в Индию пропускной способностью 30 млрд. куб. м. газа в год. В 1995 г. этот проект был дополнен планом прокладки параллельной ниткой нефтепровода мощностью до 50 млн. т. нефти в год.

Оба эти проекта оказались «заморожены» в связи со свержением светского правительства в Кабуле. Затем проект поддержало правительство талибов, получившее от американских инвесторов \$400 млн. «за анализ технического обоснования проекта», а также обещания, что он принесет стране ежегодный

доход в \$400 млн. и обеспечит создание более 12 тыс. новых рабочих мест⁵⁰. Однако после ухудшения отношений талибов с США проект снова «заглох».

Он вновь оказался «реанимирован» в начале операции международной коалиции в Афганистане против талибов в 2003 г., и снова был «похоронен» (окончательно или нет – пока неясно) в конце прошедшего десятилетия в связи с обнаружившейся бесперспективностью попыток установления в Афганистане сколько-нибудь устойчивой централизованной власти, а также в результате обострения военно-террористической ситуации в Пакистане (включая лежащую на планируемой трассе труб провинцию Белуджистан).

Не менее сложная судьба оказалась у газопровода «Мир» (Peace Pipeline), впервые предложенного к реализации Ираном в 1996 г. и призванного транспортировать иранский газ с месторождения «Южный Парс» в Пакистан и затем в Индию.

Согласно первоначальному варианту проекта, который готовила российская корпорация «Газэкспорт», газопровод стоимостью в \$7 млрд. и протяженностью в 2775 км. должен был с 2010 года поставлять в Пакистан и Индию 35 млрд. куб. м. газа ежегодно, а с 2015 г. – вдвое больше⁵¹. С 2001 года к проекту начал проявлять особое внимание Китай, в связи с чем в нем появился вариант, предполагающий увеличение пропускной способности газопровода и строительство от него ответвления через Северо-Восточный Пакистан и зону Каракорумского шоссе в китайскую провинцию Юньнань.

С 2004 г., как сообщают наши источники, Пекин начал переговоры с Тегераном и Исламабадом о возможности прокладки параллельно данному газопроводу еще и нефтепровода в Юньнань мощностью до 80 млн. т. нефти в год. А одновременно Китай начал инвестировать в Пакистане в крупное дорожное строительство по всей трассе будущих газо- и нефте-проводов от порта Гвадар на юго-западе Белуджистана (где Китай по соглашению с Исламабадом строит буквально на выходе из Оманского залива свою военно-морскую базу и танкерный терминал) через территорию Пакистана до Каракорумского шоссе⁵².

Регулярные осложнения отношений между Исламабадом и Дели породили в начале 2000-х годов новый вариант – строительство отдельных газопроводов в Пакистан и Индию, причем индийская «труба» в данном варианте должна была обходить Пакистан вдоль его побережья по шельфу Аравийского моря. Но в апреле 2008 г. президент Ирана М.Ахмадинежад в ходе визитов в Пакистан и Индию убедил руководство двух стран поддержать вариант единого газопровода проектной мощностью 55 млрд. куб. м. в год, из которых 62,5% предназначались бы для Индии, а остальное — для Пакистана.

Причина согласия Индии заключается в том, что стране при сохранении нынешних темпов экономического роста к 2025 г. объективно необходимо, как считают эксперты Международного энергетического агентства, не менее 145 млрд. куб. м. газа в год. И в сложившихся условиях (несмотря на очевидные политические риски зависимости от транзита через недружественный Пакистан) сравнительно недалекий по расстоянию прокачки и пока почти неосвоенный иранский газ – является для Дели наиболее перспективным источником обеспечения национальных потребностей⁵³.

Однако все эти планы уже с 2004 г. начали встречать все более ожесточенное противодействие со стороны исламских террористических групп, а также регионального сепаратизма.

В конце 2004 г. в Белуджистане, через который проходит трасса будущего газопровода, активизировались сепаратистские группировки, требующие создания независимой государственности белуджей Пакистана, Ирана и Афганистана. В январе 2005 г. газодобывающий комплекс Суи в Белуджистане (в провинции расположены основные газовые месторождения Пакистана) подвергся террористической атаке. В результате выхода из строя и остановки на 8 дней головного завода газоочистки – потери национальной экономики превысили 450 млн. рупий⁵⁴. В том же 2005 г. в Белуджистане террористы из сепаратистской исламской организации «Армия освобождения Белуджистана» (АОБ) трижды (в том числе – два раза в октябре) взрывали магистральные газопроводы, обеспечивающие газоснабжение столицы провинции Кветты⁵⁵.

Именно в этот момент Пекин понимает, что террористический хаос в Пакистане делает ставку на иранский газ все более проблематичной. И начинает готовить соглашение с Туркменией о строительстве газопровода через Узбекистан и Казахстан для поставок газа в провинцию Синцзян и далее в Центральный Китай. (Отмечу, что первая очередь этого газопровода с северного берега Аму-Дарьи в Туркмении в Китай была торжественно открыта с участием туркменского президента Бердымухаммедова и председателя КНР Ху Цзиньтао 14 декабря 2009 г.)⁵⁶.

В 2006 году исламский терроризм в Белуджистане резко активизировался. Помимо диверсий в центрах газоснабжения и на газовых магистралях, наибольший резонанс вызвали теракты в Кветте в начале мая (серия из пяти взрывов в полицейской школе и центре подготовки подразделений антитеррора), в результате которых погибли шесть и были ранены 14 человек⁵⁷.

В 2007 г. и в Белуджистане, и в Северо-Западной пограничной провинции, и в Панджабе, и в Зоне племен, и других регионах Пакистана масштабы и жестокость террора резко возрастают. Наиболее громкие из терактов – захват исламскими боевиками и последовавший штурм Красной мечети в Исламабаде 10-12 июля и убийство Беназир Бхутто на предвыборном митинге в Равалпинди 27 декабря. Всего же в 2007 г. в терактах в Пакистане погибли около 3600 чел., из них 42% – гражданское население и политики, 41% – участники террористических групп и 17% – представители силовых структур⁵⁸. Причем основным типом терактов, начиная со второй половины 2007 г., стал терроризм исламских шахидов, включая женщин и детей.

Реакцией президента и главнокомандующего Первеза Мушаррафа на нарастающий вал терактов стало введение в конце октября 2007 г. чрезвычайного положения. Однако сразу после этого сначала госсекретарь США Кондолиза Райс, а затем МИД Великобритании и президент США Джордж Буш потребовали от Мушаррафа (вновь вспомним приведенную выше фразу С.Манна о демократизации как инструменте создания хаоса) «немедленного возвращения к демократии», угрожая в противном случае прекратить оказание стране финансовой помощи⁵⁹.

Но и без демократизации террористический и политический хаос в стране нарастал. И 18 августа 2008 г. Мушарраф, находясь под угрозой импичмента, подал в отставку.

В то же время новое гражданское правительство Пакистана во главе с Асифом Али Зардари, по оценкам большинства экспертов, не в состоянии в достаточной мере контролировать пакистанских военных, включая основного оператора управления значительной частью радикальных исламских террористических групп – Межведомственную разведку ISI. В результате, как считают наши источники, «военно-разведывательная каста» Пакистана все более отчетливо разделяется по своим внешнеполитическим ориентациям.

Одна часть пакистанских военных, действующая в русле интересов США и Великобритании, стремится перенести основную активность исламского террора из Афганистана на территорию Пакистана. И тем самым решить сразу три задачи. Во-первых, нарастить собственное политическое влияние в стране как решающей силы обуздания терроризма. Во-вторых, полностью блокировать и военно-стратегические позиции Китая в Аравийском море (создание военно-морской базы в Гвадаре), и перспективы прокладки газо- и нефтепроводов из Ирана в Китай. В-третьих, за счет переноса активности исламского террора в Пакистан ослабить терроризм талибов в Афганистане и позволить в обозримой перспективе вывести оттуда военные силы международной коалиции, «не теряя лица». В связи с этим стоит привести высказывание отставного пакистанского генерала Талата Масуда: *«Политика Вашингтона, возможно, направлена на то, чтобы стабилизировать Афганистан за счет дестабилизации Пакистана»*⁶⁰.

Другая часть пакистанских военных, включая кадры ISI, во-первых, не чужда описанным выше интересам Китая и, во-вторых, понимает, что Пакистан (включая его ядерные и ракетные вооружения) с высокой вероятностью может оказаться основной следующей целью «международной антитеррористической коалиции». И потому, с одной стороны, негласно поддерживает экспансию талибов в Афганистане и их подготовку в приграничных пакистанских лагерях и, с другой стороны, помогает их террористической активности на маршрутах

доставки грузов коалиции из порта Карачи в Афганистан (по этому пути коалиция получает до 80% продовольствия, топлива и военных грузов)⁶¹.

Тем не менее, даже в описанных «критических» террористических условиях Иран, Пакистан и Индия не оставляют надежд на реализацию того стратегического газопроводного проекта, с которого я начал обсуждение пакистанской темы. В сентябре 2008 г. в ходе встречи в Нью-Йорке президент Ирана Ахмадинежад и президент Пакистана Зардари достигли соглашения о создании совместной компании для прокладки газопровода от месторождения «Южный Парс» до пакистанского города Мултан, и договорились о встрече глав МИД в начале октября с целью согласования деталей, а также об учреждении комитета высокопоставленных лиц обеих стран для завершения проекта трубопровода.

Тогда же в Нью-Йорке прошла встреча между Асифом Али Зардари и премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом, в ходе которой они договорились *«содействовать скорейшей и полной нормализации отношений между двумя странами на основе взаимного уважения, мирного сосуществования и невмешательства»*. А после этого секретарь Министерства по делам нефти Индии сообщил, что переговоры о продлении газопровода в Индию идут успешно, и что компетентные лица трех стран скоро проведут встречу для урегулирования спорных моментов – прежде всего, цены на газ⁶².

Однако это «потепление» оказалось «аранжировано» (случайно или нет – отдельный вопрос) крупнейшими терактами исламистов (взрыв отеля «Мариотт-Исламабад» в Пакистане и трагедия в индийском Мумбаи). Что вновь отдалило обсуждение темы стратегического газопровода через Пакистан в Индию «в неопределенное будущее».

Впрочем, между Тегераном и Исламабадом переговоры продолжились, и 24 мая 2009 г. Ахмадинежад и Зардари подписали соглашение о газопроводе⁶³. А 27 ноября 2009 г. заместитель министра нефти Пакистана Аршад Ахмад Калим в кулуарах двусторонних газовых переговоров с Тегераном заявил: *«Мы постараемся, чтобы поставки иранского газа в Пакистан начались раньше декабря 2013 года»*⁶⁴.

При этом некоторые российские и зарубежные эксперты считают, что стратегические цели США в регионе весьма масштабны и выходят далеко за пределы обсуждаемого «пакистанского узла критичности». Так, президент российского Института Ближнего Востока Евгений Сатановский говорит следующее: *«...Если та политика, которая велась в Пакистане, Афганистане, Ираке и на Ближнем Востоке, продолжится и дальше, то исламский мир окончательно рассыплется на мелкие враждующие фрагменты, население которых будет друг друга непрерывно резать... Американцы стремятся создать «управляемый хаос» на всем исламском Востоке. Там уже так много «черных дыр» (Афганистан, Судан, Ирак и пр.), что скоро все это пространство превратится в одну большую «черную дыру»»⁶⁵.*

Другой российский аналитик, Геворг Мирзаян, дополняет эту оценку следующим образом: *«В Вашингтоне понимают, что если пакистанское правительство перестанет контролировать ситуацию, то в дело вынуждены будут вмешаться Дели, Тегеран и Пекин. Пакистан уже превратился в базу для всех экстремистских исламских движений региона — террористических организаций индийских кашмирцев, иранских белуджей, афганских талибов-пуштунов, китайских уйгуров. И пакистанские соседи сделают все возможное, дабы в руки этих движений не попало пакистанское ядерное оружие, вплоть до вторжения в Пакистан. А тогда Вашингтон может просто выйти из афгано-пакистанской эпопеи, оставив расхлебывание заваренной им каши другим странам»⁶⁶.*

Наконец, вот что пишет в связи с операциями в Ираке и Афганистане и развитием военно-террористической ситуации в Центральной Азии упомянутый выше Джордж Фридман: *«Если обойтись без риторики, сохранение мира в Евразии не является одним из первостепенных интересов Соединенных Штатов. Они также не заинтересованы в том, чтобы полностью выиграть войну. Как и в случае с Вьетнамом или Кореей, цель этих конфликтов состоит в том, чтобы просто чинить препятствия определенной стране или дестабилизировать ситуацию в регионе, а не наводить порядок»⁶⁷.*

5. От локальных узлов управляемой критичности через «глобальную критичность управляемого хаоса» – к «новым мировым порядкам»

Почему я так подробно останавливаюсь на нынешних ключевых энергетических и транспортных «зонах критичности» и механизмах создания в них управляемого хаоса? Прежде всего, потому, что таких зон в современном мире становится с каждым годом все больше, и потому, что они играют в мировом развитии (да и в устойчивом жизнеобеспечении нашего мира) все большую роль.

Нет нужды перечислять, что в энергосфере, кроме нефтегазовых месторождений, трубопроводов и танкерных маршрутов, в мире уже существуют многие сотни таких «узлов критичности», уязвимых для терроризма, как нефте- и газо-перерабатывающие заводы, а также заводы по сжижению и регазификации сжиженного газа. Не нужно объяснять, что в мире множество очень важных для современной цивилизации (и вполне уязвимых для террора) «зон критичности» в виде узких проливов, портов, железно- и авто-дорожных магистралей, стратегических тоннелей и т.д.

Конечно, большинство такого рода объектов пока что «не по зубам» для исламских террористов, способных создавать реальные ситуации «управляемого хаоса» – как потому, что хорошо защищены, так и потому, что находятся достаточно далеко от основных районов базирования террористов. Вряд ли, например, можно всерьез ожидать активности сомалийских пиратов в зоне Панамского канала.

Однако мы уже стали свидетелями терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, похоронившими миф о локальности террора исламистов. Кроме того, мы столкнулись со свидетельствами того, что в ряде случаев терроризм исламских радикалов вооружается, обучается, координируется и поддерживается спецслужбами и крупнейшими корпорациями заинтересованных государств. И эта тенденция способна в достаточно близкой перспективе кардинально изменить мировую террористическую ситуацию.

Так, нарастающие риски нефтеснабжения ведущих мировых держав из региона Персидского залива – на наших глазах обостряют накал борьбы за

«другую нефть». И не только в Африке. Хорошо известно, например, нарастающее соперничество США и Китая за нефть Латинской Америки. В частности, Китай уже вышел на крупные нефтяные месторождения в Венесуэле, в так называемом «поясе Ориноко», получил контроль над Панамским каналом и планирует его расширение с тем, чтобы обеспечить поставки этой нефти в китайские порты через Тихий Океан⁶⁸.

Здесь я вновь процитирую главу аналитической корпорации STRATFOR Дж.Фридмана: *«Контроль над Тихим океаном включает в себя один важный аспект — контроль над морскими путями, используемыми для транспортировки энергоносителей. Чем выше будет цена на нефть, и чем дольше источники энергии, не зависящие от углеводородов, будут существовать лишь на страницах фантастических романов, тем выше вероятность конфронтации за обладание морскими путями. Дисбаланс сил в этом регионе крайне велик. Этот факт, вкупе с вопросами транспортировки энергоносителей и выхода на американский рынок, превращает Тихоокеанский бассейн в одну из крупнейших геополитических «линий разлома»⁶⁹.*

В связи с этим отмечу, что в Тихоокеанском бассейне достаточно много стран, далеких от социально-политической стабильности и имеющих внутренний, причем весьма радикальный, исламский компонент. В их числе достаточно назвать Филиппины, Индонезию и Малайзию, где активность исламского терроризма, соединенного с региональным сепаратизмом, растет с каждым годом⁷⁰. К этому обстоятельству следует добавить и то, что во всех этих странах сильные позиции в сфере финансов и торговли занимает крупная и влиятельная китайская диаспора. И потому исламское большинство в этих странах (включая его радикально-террористический компонент) в своей массе относится к китайцам и Китаю весьма ревниво и не слишком дружелюбно.

Это означает, что террористический ислам указанных стран вполне может быть использован геостратегическими конкурентами Китая в качестве инструмента борьбы с противниками точно так же, как пакистанская ISI использует исламский терроризм в Афганистане, Кашмире и Пенджабе.

Однако, как показывает пример Усамы Бен-Ладена, «инструмент», созданный американцами против СССР, в итоге отвязался от хозяев и стал одной из наиболее опасных антиамериканских сил. В этом смысле также достаточно показательно признание бывшего главы операций ЦРУ в Афганистане Чарльза Когана газете «Нью-Йорк Таймс» в 1995г., после первых крупных терактов исламистов в США: *«Мы хотели нанести как можно больший ущерб Советам ...когда мы проводили эти операции, никому не приходила в голову гипотеза, что моджахеда придут в Америку»*⁷¹.

И напоследок еще одно важное, как представляется, соображение. И удавшиеся, и неудавшиеся акты терроризма на транспортных коммуникациях (в особенности в той его части, которая касается перемещения больших потоков людей через авиационные, железнодорожные и портовые терминалы-хабы) создают в мире совершенно новое состояние массовой психологии.

Результаты этих терактов демонстрируют, что увеличение численности сотрудников служб безопасности, а также ужесточение мер контроля в отношении пассажиров, – приводят к резкому повышению затрат транспортных компаний «на безопасность», но решающего успеха в борьбе с терроризмом не приносят. Как показал опыт терактов в Нью-Йорке и Мумбаи, а также в мадридском метро в марте 2004 г.⁷², хорошо подготовленная и оснащенная террористическая группа (тем более, если это группа шахидов, не дорожащих своей жизнью) вполне способна преодолеть любые «кордоны безопасности» и нанести объекту своей атаки невосполнимый ущерб.

Сейчас очередной «панацеей» от терроризма на транспорте называют начатую после попытки теракта в самолете Амстердам-Детройт⁷³ кампанию по массированному оснащению транспортных пассажирских терминалов так называемыми «раздевающими» сканерами. Однако эта программа, во-первых, имеет гигантскую стоимость (только для аэропортов США затраты на нее оцениваются в \$110-120 млрд.). Во-вторых, применение таких сканеров решительно отвергается людьми традиционной культуры. И, главное, нет никаких гарантий, что террористы не найдут очередные способы эти сканеры так или иначе «обойти».

Что все изложенное выше означает в совокупности? Прежде всего, то, что мир во всех его регионах и социальных группах – от крупного международного бизнеса до рядовых граждан – морально-психологически входит в состояние «жизни в перманентном глобальном хаосе». Такое состояние может быть длительным, но не вечным. Социальные группы потребуют порядка. И очень важный для всех нас вопрос заключается в том, каким может стать этот «порядок после хаоса».

Конечно, мыслимых сценариев может быть множество, и их анализ – отдельная тема. Остановлюсь лишь на двух (безусловно, сопряженных между собой) сценариях, которые представляются достаточно вероятными и в то же время наиболее опасными.

Первый сценарий, признаки реализации которого уже вполне обозначились, – свертывание того мегапроекта глобализации, который уже более полувека представлял себя как «мейнстрим» мирового развития.

Мы уже видим, как в порядке «реакции на терроризм» сокращаются некоторые глобальные финансовые и товарные потоки, а международная торговля начинает фрагментироваться и концентрироваться в рамках разного рода региональных формальных и неформальных торговых блоков⁷⁴. Мы уже видим, как под предлогом борьбы с глобальным терроризмом возникают и укрепляются «межблоковые» барьеры для глобальных перетоков рабочей силы и даже для международного туризма⁷⁵.

И мы, наконец, видим, что мировая «борьба за ресурсы» (включая наиболее существенные для моей темы ресурсы углеводородного сырья) также начинает постепенно смещаться в формат как межгосударственных, так и межблоковых противостояний.

Мы уже разобрали суданский сюжет с противостоянием Китая и США. Для нас в России совершенно очевидна борьба между США и ЕС в сфере транзита на Запад российских нефти и газа, в которой Америка способствует созданию препятствий для этого транзита, а так называемая «Старая Европа» стремится сделать его максимально диверсифицированным и, тем самым, гарантированным.

Дальнейшая «глобализация» терроризма, инструментально используемого державами и блоками против своих конкурентов, с сопутствующим повышением совокупных рисков международных коммуникаций, – вполне может привести к окончательному срыву нынешней глобализации. И к такой «неустойчивой многополярности» мира, фрагментированного на конфликтующие (и заключающие между собой против других тактические союзы) блоки, в которой каждый из существующих в данный момент блоков относительно успешно защищается от террористического хаоса изнутри, и в то же время старается «экспортировать хаос» вовне, к своим противникам.

Второй сценарий может быть инициирован таким нарастанием террористического хаоса, в котором зародится и станет ключевым вопросом повестки дня массовое и категорическое требование обеспечения безопасности за счет ЛЮБОГО порядка. В том числе, при помощи установления порядка, обеспечивающего устойчивую безопасность в отношении угроз терроризма ценой принципиальных и постоянных ограничений свободы граждан.

Признаки «прощупывания» социальных реакций на перспективы реализации такого сценария обнаруживались уже в первые годы после распада мировой двублоковой американско-советской системы. Как мне представляется, одним из первых наиболее емко сформулировал «подход к проблеме» один из канадских радиожурналистов летом 1995 года, после крупных терактов исламских радикалов против американских посольств в Кении и Танзании, а также первых проявлений исламского терроризма в США. Он тогда заявил следующее: *«Уязвимость к террору — та цена, которую мы вынуждены платить за открытое демократическое общество. Видимо, нам необходимо пересмотреть баланс между безопасностью и свободой».*

Эта тема получила мощный импульс после терактов 11 сентября 2001 г., когда в США, в ходе дискуссии по вопросу о принятии так называемого «Патриотического Акта»⁷⁶, резко расширяющего право вмешательства спецслужб в частную жизнь граждан, в Америке зазвучало немало голосов, призывающих не пугаться понятия «полицейское государство». Тогда же с высоких мировых трибун, включая трибуну ООН, громко зазвучали призывы

отказаться – во имя борьбы с мировым терроризмом – от архаичных и мешающих мировому развитию понятий государственного суверенитета, а также принципов невмешательства во внутренние дела государств.

И наконец, тогда же в мировое обсуждение была очень энергично и настойчиво брошена хантингтоновская концепция «войны цивилизаций». Которая в своих наиболее радикальных вариантах фактически предлагала постулировать и признать сценарий неизбежного и скорого разделения мира на объединенное «пространство цивилизованных стран», охраняющее себя и свой порядок от волн «исламских варваров», – и «пространство стран исламского терроризма», олицетворяющее «хаос, наступающий на цивилизацию».

Логичным следующим шагом при реализации такого сценария должно стать создание «глобальной системы управления» (то есть, фактически, «мирового правительства цивилизованных стран антитеррора», о необходимости которого в ходе нынешнего мирового кризиса и роста террора вновь заговорили крупные мировые политики)⁷⁷. Но, главное, в логике этого сценария практически неизбежно создание «мирового интернационала спецслужб», реализующего власть «мирового правительства».

Исходя из того, что мы уже знаем об инструментализации исламского терроризма спецслужбами, нельзя полностью отбросить такой вариант развития событий, в котором «мировой интернационал спецслужб» начнет одновременно и управлять террористическим хаосом, создавая для граждан «пространства цивилизованных стран» ситуацию перманентной опасности (и, значит, тотальной несвободы), и воевать с «наступающим хаосом», оправдывая этой войной объективную необходимость несвободы.

Обсужденные в данной статье вызовы требуют стратегического ответа. Миру нужен внятный стратегический проект, в рамках которого будет полностью отменена «эксплуатация критичности» – вне зависимости от того, кому именно и почему захочется осуществлять подобную «эксплуатацию». Миру нужна либо достройка существующей проектности, осуществляемая без опоры на «критичность», либо переход от существующей проектности к

проектности новой – но, опять же, не через «критичность хаоса». Есть и другие формы перехода от одной проектности к другой.

И наконец, миру нужна стратегическая дискуссия, в рамках которой будет откровенно и с достаточной глубиной обсуждено нынешнее состояние дел. Индия и Россия могли бы внести большой вклад как в формирование повестки дня подобной дискуссии, так и в ее организацию.

Существует средневековая формула: «Король умер – да здравствует король!» Трансформируя эту формулу, можно сказать: «Римский клуб умер – да здравствует новый клуб, который сумеет осуществить стратегическую дискуссию нужного объема и глубины».

¹ См. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М.: Изд-во МГУ, 1992.

² Pandey, Gyanendra. 2002. *Remembering Partition: Violence, Nationalism and History in India*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

³ См., например, Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979; Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986; Федер Е. Фракталы. — М: «Мир», 1991; Chaos (Сборник статей, Princeton University Press, 1986); Poston, Tim and Stewart, Ian. *Catastrophe Theory and Its Applications*. London, San Francisco, Melbourne: Pitman, 1978.

⁴ Агеев А. Сокровища Санта-Фе. Ж. "Экономические стратегии", №04-2008, с.5

⁵ Полный текст доклада Стивена Манна на конференции Института Санта-Фе 1996 г. опубликован в виде статьи под названием «Реакция на хаос» в сборнике «Сложность, глобальная политика и национальная безопасность» (1998 г., издание Вашингтонского Университета Национальной Безопасности).

⁶ Валлерстайн И. Доклад на Международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность». Россия, Ярославль, 14 сентября 2009.

⁷ См., например, Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами. Из истории подделки денежных знаков, М.: Междунар. отношения, 1990; Кризенталь И.Ф. Операция «Бернгард», М.: Междунар. отношения, 1964

⁸ В частности, как сообщило агентство «Рейтерс» 20 сентября 2001 г., Американская фондовая биржа и высокотехнологичная биржа NASDAQ были закрыты 6 дней, с 11 до 17 сентября.

⁹ BBC News, 2009, December, 11.

¹⁰ См, например, World Economic Outlook. April 2007. Washington D.C., IMF, 2007.

¹¹ World Energy Outlook. International Energy Agency, 2006.

¹² Daniel Yergin. *The Prize. The Epic Quest For Oil, Money, And Power*. Simon & Schuster. NY, 1991.

¹³ См, например, так называемый «План 1982 года», найденный швейцарской полицией в 2001 году на вилле Юссефа Нады – директора исламского банка «Аль-Таква» и одного из лидеров «Братьев-мусульман». «План 1982 года», подробно описывающий стратегию и тактику борьбы исламских радикалов за создание мирового Халифата, приведен Силвэном Бессоном в 2005 году в книге «Покорение Запада» (Besson S. *La Conquete de L'Occident: Le Projet Secret Des Islamistes*, Paris: Seuil, 2005), а затем воспроизведен рядом газет. «План 1982

года» включает создание хаоса в странах со значительной долей мусульманского населения с одновременным укреплением в этих странах позиций дочерних организаций «Братьев-мусульман» как главных организаторов социального, политического, экономического порядка. Причем этот план содержит почти текстуальные совпадения с изложением стратегических целей и тактики действий халифатистского ислама в работе соратника Нады, одного из главных акционеров банка «Аль-Таква» и крупнейшего идеолога «Братьев-мусульман» Юссефа Карадави «Приоритеты исламского движения в наступающем периоде», опубликованной в 1990-м году (Yousuf al-Qaradawi, *Priorities of the Islamic Movement in the Coming Phase*, Doha, April, 1990, http://www.witness-pioneer.org/vil/Books/Q_Priorities/index.htm).

¹⁴ Говоря о перспективах войны Коалиции в Ираке в интервью катарскому телеканалу Аль-Джазира 11 сентября 2003 года (по случаю второй годовщины терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне), «второй человек Аль-Каеды» Айман аль-Завахири заявил следующее: *«Если они уйдут, то все потеряют, а если останутся, то будут и дальше истекать кровью и умирать. Мы создадим им хаос»*.

¹⁵ См., например, интервью Майкла Шоэра, бывшего начальника специального подразделения ЦРУ по поиску и поимке Усамы бен Ладена, журналу «Эксперт» (Эксперт, №15 (604)/14 апреля 2008 г.)

¹⁶ George Friedman. *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st century*. New York: Doubleday, 2009, p. 46.

¹⁷ World Energy Outlook. International Energy Agency, 2005.

¹⁸ RBC-daily, 2008, August 04.

¹⁹ См. заявление командующего 5-м флотом ВМС США вице-адмирала Кевина Косгриффа на пресс-конференции в Бахрейне 30 июня 2008 г. (Рейтерс, 1 июля 2008 г.)

²⁰ По данным Международного морского бюро, только через Аденский залив ежегодно проходит 22-25 тыс. судов.

²¹ Геворг Мирзяян. Кто спасет Сомали. Ж. «Эксперт» №17 (606)/28 апреля 2008.

²² Там же.

²³ Как отметил в ноябре 2007 г. аналитик Американского института предпринимательства Мауро де Лоренцо, *«Это правительство все равно не имеет никакой поддержки среди сомалийского населения и держится лишь на эфиопских деньгах и штыках. Даже Вашингтон практически не выделяет ему деньги, требуя расширить количество представляемых в нем кланов»* (там же).

²⁴ По данным отчетов Международного морского бюро, начиная с 2007 года число нападений сомалийских пиратов на суда неуклонно растет. Так, в 2007 г. число таких нападений было около 50, в 2008 г. – около 110, в 2009 г. – около 250. Только за первую половину 2009 года сомалийские пираты предприняли 130 попыток захвата судов, что на 19 больше, чем за весь 2008 год (The Daily Telegraph, UK, 2009/08/25).

²⁵ 17 апреля 2009 г. член парламента Сомали Мухаммед Амин Эль-Хади сообщил, что сомалийские пираты получают оперативные данные о наиболее подходящих целях своих атак из Лондона, Марселя, Каира, Дохи и других крупнейших портовых центров, а также привел ряд доказательств сотрудничества сомалийских пиратов с мафиозными группами в различных странах мира, от которых поступает информация о судах и грузах, следующих вблизи Сомали (газета «Независимое военное обозрение» от 3 июля 2009 г.).

²⁶ Речь К.Райс в Американском университете в Каире. BBC News, 2005, June, 23.

²⁷ По сообщениям мировых СМИ, в 2009 г. ряд крупных танкеров, балкеров и сухогрузов был захвачен сомалийскими пиратами в нейтральных водах Индийского океана на расстояниях более 1000 км. на восток от побережья Сомали, а также в районе Сейшельских островов (то есть, вблизи Мадагаскара, опять-таки на расстоянии около 1000 км. на юг от пиратских портов базирования).

²⁸ Так, 25 ноября 2009 г. ночью в 33 км. от побережья нигерийские пираты с криками «Аллах Акбар» атаковали танкер Cancalle Star под флагом Либерии, в экипаж которого

входили россияне, украинцы, литовцы и филиппинцы. Как сообщило агентство ИТАР-ТАСС, пираты избили 4 членов экипажа и убили старшего помощника, захватили содержимое судового сейфа, после чего скрылись.

²⁹ 11 ноября 2009 г. Министр обороны Испании Карме Чакон обратилась к Европейскому союзу с предложением организовать военную блокаду трех основных сомалийских портов (прежде всего, Харардере), в которых базируются «корабли-матки», несущие маломерные пиратские лодки и обеспечивающие пиратские операции на расстоянии до 1000 миль от портов базирования (агентство ИТАР-ТАСС, 12 ноября 2009 г.).

³⁰ По данным Международного морского бюро, за 11 месяцев 2009 г. сомалийским пиратам за освобождение судов и экипажей было выплачено около 170 млн. долл., при этом общий финансовый ущерб от их нападений превысил 20 млрд. долл. Некоторые эксперты считают, что обе эти цифры занижены по крайней мере вдвое по той причине, что пострадавшие судовые и страховые компании скрывают истинную величину выплат пиратам и финансовых потерь, опасаясь падения своей биржевой капитализации.

³¹ Daniel Yergin. *The Prize. The Epic Quest For Oil, Money, And Power*. Simon & Schuster. NY, 1991; Eric Laurent. *La face cache du petrole*. Plon.Paries, 2006.

³² Наиболее алармистские из таких оценок принадлежали экспертам так называемого «Римского клуба». Пример – доклад Римскому клубу супругов Медоуз под названием «Пределы роста», опубликованный в 1970 г. и предрекавший, что миру хватит нефти максимум на 30-35 лет. Этот прогноз, как мы видим, не оправдался.

³³ См, например, F. William Engdahl. *A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order*. L, 2007.

³⁴ The Voice News Winstead, 04.01.2001.

³⁵ См., например, данные американской неправительственной базы данных Global Security (www.globalsecurity.org/military/world/para/darfur.htm).

³⁶ <http://www.engdahl.oilgeopolitics.net>, 2008.

³⁷ <http://www.amnestyusa.org/countries/sudan/characters.html>.

³⁸ Газета «Коммерсантъ», №151 (3482) от 17.08.2006.

³⁹ http://www.inozemtsev.net/doc/vert/1175511598_monde03_2007.pdf

⁴⁰ <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=11697>

⁴¹ См, например, «Sadig Al-Mahdi: The comeback king», Al-Ahram, 15-21.07.2004.

⁴² <http://www.li.ru/2007.06.24>

⁴³ Ж. «Эксперт» №6(595) / 11 февраля 2008.

⁴⁴ France Presse, 2009.01.19.

⁴⁵ RBC-Daily, 2008.10.22.

⁴⁶ The Wall Street Journal, 5 July 2009.

⁴⁷ BBC News, 2009, July, 27

⁴⁸ Агентство РИА Новости, 28 октября 2009.

⁴⁹ Handelsblatt, 2008.08.22.

⁵⁰ Ж. «Коммерсантъ-Власть», 24 декабря 2007.

⁵¹ <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/496/>, 20.06.06

⁵² Газета «Время новостей», 31 августа 2007.

⁵³ Газета «Коммерсантъ», 27 мая 2009.

⁵⁴ The News, Islamabad, 29.01.2005.

⁵⁵ Агентство РИА Новости, 29 октября 2005 г.

⁵⁶ www.svobodanews.ru/archive/.../20091214/17/17.html

⁵⁷ <http://www.antiterror.ru/news/117848426>, 11 мая 2006 г.

⁵⁸ <http://www.satp.org/satporgtp/countries/pakistan/index.htm> (South Asia Terrorism Portal: Pakistan Assessment, 2008).

⁵⁹ RBC-Daily, 2007.11.07.

⁶⁰ Ж. «Эксперт Online»/30 сентября 2008 г.

⁶¹ Там же. В написанном по заказу Пентагона докладе эксперты RAND Corporation утверждают, что ISI поддерживает талибов медицинским обслуживанием раненых, прямой финансовой помощью и передачей разведданных. Кроме того, по данным RAND, кадровые офицеры ISI работают инструкторами в лагерях боевиков в Кветте, Мансере, Шамшатту, Парачинаре и ряде других областей Пакистана.

⁶² RBC-Daily, 2008.09.26.

⁶³ Газета «Коммерсантъ» №93 (4148) от 27 мая 2009 г.

⁶⁴ <http://www.EnergyLand.Info>

⁶⁵ RBC-Daily, 2008.09.09.

⁶⁶ «Эксперт Online»/30 сентября 2008 г.

⁶⁷ George Friedman. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st century. New York: Doubleday, 2009, p. 46.

⁶⁸ <http://www.informchina.ru/Article.aspx?article=3499>, 2007.09.05.

⁶⁹ George Friedman. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st century. New York: Doubleday, 2009, p. 69.

⁷⁰ http://www.kvrf.ru/press/articles_of_members/mks/83

⁷¹ http://bdg.press.net.by/1998/98_09_03.498/kl_.htm

⁷² http://www.gazeta.ru/2004/03/11/box_3887.shtml

⁷³ <http://finam.fm/news/42852/>

⁷⁴ В числе основных существующих и создаваемых региональных блоков, помимо наиболее известного Европейского союза, можно назвать североамериканский блок НАФТА, латиноамериканские блоки МЕРКОСУР и «Боливарианская инициатива», ЕврАзЭС на постсоветском пространстве. «На подходе» создание валютно-торговых блоков арабских стран Персидского залива, а также стран Восточной и Юго-Восточной Азии во главе с Китаем (к возможности вхождения в этот блок в последнее время начинает присматриваться и Япония). Помимо таких «формальных» блоков, в нынешнем мировом экономическом кризисе постепенно выкристаллизовываются и неформальные блоки, основанные на валютных своп-соглашениях между странами, позволяющих вести расчеты во взаимной торговле не в долларах, евро и т.д., а в национальных валютах.

⁷⁵ Среди «ограничительных мер» и ужесточение условий выдачи виз, и такие (практически невыполнимые во многих странах) требования к загранпаспортам, как наличие биометрического «чипа» с отпечатками пальцев и снимками сетчатки глаза, и сокращение квот на привлечение иностранной рабочей силы, и многое другое.

⁷⁶ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1622000/1622281.stm

⁷⁷ Например, в начале июля 2009 г. к созданию мирового правительства в своей энциклике «Caritas в Veritate» («Милосердие в правде») призвал Папа римский Бенедикт XVI (AFP, 2009, July, 7) Практически одновременно, 7 июля 2009 г., Альберт Гор на конференции по проблемам окружающей среды в Оксфорде заявил о неизбежности установления мировой системы глобального контроля. (Al Gore in Oxford at the Smith School World Forum on Enterprise and the Environment: “But it is the awareness itself that will drive the change and one of the ways it will drive the change is through global governance and global agreements.” (<http://www.climatedepot.com/a/1893/Flashback-Gore-US-Climate-Bill-Will-Help-Bring-About-Global-Governance>).